

РУССКИЙ ХАРАКТЕР В АСПЕКТЕ РЕФЛЕКСИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ¹

Б.И. Бирштейн

11 сентября 2001 года силы, избравшие терроризм инструментом своей идеологии, рассекли нашу жизнь на «до» и «после», актуализировав понимание необходимости всеобщей борьбы против вселенского зла, угрожающего земной цивилизации.

Суть происходящего, на мой взгляд, следует видеть через осознание того, как могло случиться, что террористы попытались диктовать свои условия миру. Только поняв ошибки, мировое сообщество сможет найти механизмы исправления их, что потребует предельно глубокой рефлексии. Следующий аспект — это мировое партнерство в борьбе с терроризмом, сотрудничество в экономике и новый взгляд на глобализацию как предпосылку успешной стратегии и тактики в противостоянии общему врагу. И здесь проявляется тема, на первый взгляд, далекая от данной проблемы, — суть русского национального характера, место рефлексии в нем. Ибо без участия носителя этого характера — русского народа и народов Российской Федерации — борьба против глобального терроризма практически невозможна.

Говоря о партнерстве в борьбе с терроризмом, надо, прежде всего, рассматривать линию союзничества США — Россия. И не только потому, что вчерашние участники «холодной войны» стали по одну сторону баррикад. Дело также в опыте противостояния терроризму, накопленном Россией, знании региона, где гнездятся фундаментализм и радикализм, в геополитическом положении России и сути ее исторически сложившейся государственности: на территории страны проживают сотни тысяч мусульман, с которыми испокон веков складывались позитивно окрашенные отношения.

Чтобы противостоять угрозам, стать под одни знамена, США и Россия в первую очередь должны очень хорошо, подробно знать друг друга: сильные и слабые стороны, характер, ментальность, типизированную реакцию на различные ситуации, состояние души и духа. Поэтому, столь важна тема — национальный русский характер. Важна для россиян, чтобы вновь осознать силу и могущество своей исторической сути, важна для американцев, дабы

¹ Рефлексивные процессы и управление. Т. 3, 2003 № 1. С. 28–39.

не заблуждаться на счет своего обретенного партнера. Исследуем предмет разговора [3].

Почему, говоря о «тайне Путина», не только зарубежные, но и российские исследователи не связывают феномен его популярности в России и авторитета за рубежом с пресловутой тайной русского характера? Какова в нем роль рефлексивности на уровне народа и его лидеров? Что нужно открыть и обсудить в этом характере и в механизме рефлексивности, чтобы достичь взаимопонимания с носителями других национальных характеров?

Именно понимание сути данных вопросов может многое объяснить в истории российского государства и определении его перспектив. А, значит, и в том, что происходит сейчас в этой стране. Философ и богослов-мученик Павел Флоренский, расстрелянный в сталинских застенках в 1937 году, утверждал, что вера — это не познание истины, а служение ей. Исходя из этого, можно принять положение известных мыслителей XIX века, что отношение к вере не соотносится у русского человека с его пониманием государственности и законов его общественного развития. Поэтому познание русского характера (кстати, как и английского или французского) должно идти не от божественного повеления, а от психологически-исторического контекста, в рамках которого он формируется как общественный продукт.

Почему сегодня так много пишут и на Западе, и в России о русском характере? Да потому, что понимание этого феномена позволит проникнуть в механизмы развития и поступательного движения России, поможет использовать потенциал ее рефлексивности.

Национальный характер (в данном случае не конкретно русский) как общественный продукт образуется в результате взаимодействия генетических и традиционно-культурных, географических и социально-политических тенденций развития этноса. В конструировании национального характера роль реактива, обуславливающего ход процесса созидания, играют, конечно, способ существования и конструирования мыслей, особенности умственного отношения к жизни индивидуума как части целого и как своеобразного «строительного материала» в общей схеме идеи.

Интересна в этом плане характеристика двух основных способов существования человека и его отношения к жизни у известного психолога и философа Сергея Рубинштейна, гонимого в Советском Союзе за идеализм. Ученый широкого западного образования, он еще в 1913 году высказал мысли, многое объясняющие в поведенческих проявлениях личности в обществе: «Человек и его психика формируются и проявляются в изначально практической деятельности и потому должны изучаться через их проявления в основных видах деятельности (в труде, познании, традициях, культуре и т.д.)» [6]. В своей рукописи «Человек и мир» он создает новую для науки дисциплину — культурфилософскую антропологию. В центре существования Рубинштейн видит человека в единстве его жизни, развития, деятельности, творчества. Исследователи трудов философа и психолога подчеркивают, что

понятие бытия здесь еще больше усложняется, расслаиваясь на существование и сущность, на существование и становление. В этом и надо искать истоки формирования национального характера, равно как и потенциала рефлексивности народа.

Научные концепции С. Рубинштейна многое объясняют в психологии общественного сознания современной России, подчеркивает Владимир Лепский: «В изменяющемся обществе особенно актуален способ существования человека как субъекта жизни — рефлексивный способ» [5]. Все это очень важно, чтобы понять феномен «национальный характер» как философско-психологическое явление и социально-этнический продукт. Исходя и из теории рефлексивного управления, нужно понять, что познание национального характера выявляет способы воздействия общества на личность — а также то, что и сама личность в параметрах своей деятельности становится составляющей процесса изменения всех структур общества.

Известный на Западе автор Хоскинг, определяя особенность национальной сути русских, отмечает, что нынешнее тяжелое положение России заставило некоторых говорить о закате этой страны как великой державы. Однако Россия, продолжает он, одна из самых живучих стран в истории, и вряд ли стоит на свой страх и риск игнорировать этот факт или не знать об этом.

Действительно, Россия — не просто географическое пространство. Россия — это ее народ, люди, которые строят на ее огромных просторах свою государственность, продолжают традиции предков, формируют новые поведенческие и духовные лекала. Поэтому нужно иметь в виду, что симбиоз черт и сути национального характера определяет развитие и будущее России в свете рефлексии. Именно он, характер, во многом обозначает задачи общества в стимулировании и поддержке рефлексивного способа существования человека (группы) как субъекта жизни (деятельности). «Загадка» России, а значит, и общественного сознания россиян, механизмы национального характера, значение присущего ей способа рефлексивного управления разрабатываются и изучаются сегодня на межгосударственном уровне. Участники, например, одного из международных форумов, затрагивающего тему России, заявили, что названный уже выше Хоскинг оказал большую услугу тем, кто хочет лучше понять эту страну и ее народ. Без такого понимания — нравится это кому-либо или нет — не может благополучно развиваться человечество. То же самое, но другими словами, утверждал и Киссинджер — один из опытейших и авторитетных политиков мира, призванный недавно помочь решению ряда затянувшихся межэтнических конфликтов.

Но вернемся к месту религии в формировании русского национального характера, к выдвинутому положению о том, что отношение к вере не соотносится с его пониманием государственности и законов общественного развития. Здесь следует внести некоторые корректировки. Христианство принято во многих славянских странах, и национальные характеры поляка,

болгарина или русского, бесспорно, отличаются один от другого. Но в них есть и нечто единое, сформированное общей традицией, а отличия — уже за счет таких составляющих феномен национального характера, как исторические факторы, культура, религия.

Национальный характер — это и дух, и определенность поступков, и поведение, и восприятие окружающей действительности; кроме этого — и наполненные разной содержательностью процессы рефлексивного управления личностью в обществе. Например, глубоко сидящая в натуре японца религиозность способствует его созерцательности, мудрости, отношению к жизни типа: процесс — все, конечная цель — ничто. Воинственность же японцев, отношение их к другим нациям складываются уже не только из религиозных верований, но и из других факторов и особенностей жизни островитян

Философские подходы к русскому характеру в связи с этим недостаточны, надо вникнуть в рефлексивную составляющую этого понятия, конкретизировать переход от общего настроения к частному деянию, от желаемых образов к конкретным жизненным коллизиям. В данном случае в качестве объекта мысли можно выделить то, что называется «загадка власти в России» как отражение особенностей русского характера.

Снова обратимся к классикам философской мысли. Когда-то тоже гонимый в Советской России Николай Бердяев (1874–1948), эмигрировавший в 1922 году в Берлин, а затем в Париж, пытаясь объяснить истоки коммунизма вообще и российского в частности, шел от определения сути национального характера. «Русский народ по своей душевной структуре народ восточный, Россия — христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада. И в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи... Противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента. ... У русских «природа» — стихийная сила, сильнее, чем у западных людей» [1].

Тот же Петр I, по справедливому замечанию философа, действовал в России совершенно «по-большевистски». Его приемы очень знакомы нашим современникам. Не любя московское благочестие и лицемерие, он был жесток к староверию. Он в прямом смысле каленым железом выжигал на Руси отсталость, дикие традиции, замешанные еще со времен татаро-монгольского ига. Его реформы внедрялись карательными методами, но они были необходимы России. Он радикально изменил тип цивилизации России, усилил государство, прорубил ему «окно в Европу» и т.д. Его власть как образчик западного просвещенного абсолютизма требовалась тогда России. Туда хлынуло не только западное просвещение, но и «западная экономика», конечно, с поправкой на эпоху и ее особенности.

Методы Петра I — созидателя, его стихийная сила, его природа были жестоки, но в представлениях петровской эпохи правомочны. Можно ли

оправдать теорию о петровском времени суждениями типа: десятки тысяч жизней были положены во благо российской государственности? В моральном аспекте вряд ли, но эту же теорию проповедовали и в 1917-ом году в ходе Октябрьского переворота, и во время сталинского деспотизма — опять-таки, с поправками на то, что десятки тысяч жертв прошлого умножились и превратились в десятки миллионов.

Принесли ли они пользу России, как когда-то новации Петра? И можно ли внести в «фонд» национального характера утверждение: Цель оправдывает средства? Многие сегодня на основе отдельных фактов истории утверждают, что этот постулат, очень далекий от православия, является составляющей национального характера русских. Но ведь те, кто проповедовал идею «тысячи жизней за процветание России», и русскими-то не были: начиная от царской династии, где всех только с большой натяжкой можно отнести даже к полурусским, и кончая интернациональным присутствием в революции вождей и лидеров.

Необходимо вносить «рефлексивный зазор» между революционными идеями и конкретными представлениями личностей (или лучше групп и общественных объединений) об их воплощении в жизнь. И все это воспринимать, естественно, с поправкой на эпоху, социальные представления и т.д. Робеспьер во время великих французских событий 1793 года был ничуть не менее жесток, чем его российские преемники через сто с лишним лет. Да и само понятие «цель оправдывает средства», трансформированное уже потом в чисто русское: «лес рубят — щепки летят» — идет от иезуитов, ничего общего не имеющих с русской ментальностью. Тут-то и сработал тот самый фактор, о котором шла речь выше — Бердяевское утверждение, что Россия — христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада. И оно помогает понять, откуда же взялось утверждение, что жестокость искоренения инакомыслия — чисто русское явление. Здесь некоторые интерпретаторы явно спутали идею власти с идеей национального характера вообще и на эмоционально-психологическом уровне в частности. Рефлексивное управление власти и рефлексивная суть национального характера лежат в разных плоскостях восприятия объективной действительности.

Русская революция оправдывала себя историческими примерами (правда, это было потом и в теоретических трудах). Здесь пускались в ход примеры Французской революции и других феноменов, когда насилие опосредовано ускоряло развитие государства, когда не берутся в расчет пропорции насилия и блага, инструменты действий и их последствия для общества. Главное — достижение цели, поставленной субъектами действия. Владимир Ленин бросил как-то совсем неглупую фразу, которую благополучно забыл не только он, но и те, кто, бия себя в грудь, назывались его последователями: не имея возможности воплотить в жизнь провозглашенные лозунги, отмени их! А вот на деле большевики это делать и не умели.

Русскому национальному характеру присуща «религиозность санкций царской власти в народе, которая была так сильна, что народ жил надеждой, что царь (любая власть — Б.Б.) защитит его и прекратит несправедливость, когда узнает всю правду» [1]. Этот тезис, выдвинутый уже названным философом, еще раз свидетельствует о жажде справедливости и неагрессивности русского народа. Справедливости, а не насилия и жестокости. Возвышенный дух, вера в верховную силу и справедливость — стали и силой, и ахиллесовой пятой русского характера. Отсюда и «наивный аграрный социализм», который был всегда присущ ему. Это точно замечено не только Бердяевым.

Данная наивность — не от ограниченности, а от духовной широты натуры, опять-таки, веры в высшие добро и справедливость, а также специфической рефлексивности народа. Противоречивость его характера, духа, ментальности, традиций исходит не столько от генетической программы, сколько от традиции, заложенной в нем законами исторического развития. «Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ склонный к национализму и национальному самомнению, так и народ, которому чужда национальная гордость и часто даже — увы! чуждо национальное достоинство. Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм... потому, что это народ универсального духа, более всех способный и к всечеловечности, и жестокости, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный», — писал Николай Бердяев [2].

Рефлексивность русских часто подводит их. Те, кто хорошо знает национальный характер нации, спокойно могут управлять не только поступками личностей, но и общественным сознанием. Но... и в этом случае ахиллессова пята перевоплощается в защитные доспехи, противоречивый характер в критических условиях выдвигает другие плоскости своей сути. Манипуляция общественным сознанием длится историческое мгновение. Уникальным внутренним слухом национального характера схваченные сигналы опасности мобилизуют все генетически и традиционно заложенное в нем: высокий свободный дух, жизнеспособность, готовность следовать по исторически уготовленному пути, чтобы устранить пагубные последствия манипуляции собой. В истории народа встречаются унижения, но никогда еще не было порабощения духа.

Можно ли такой народ искушать пренебрежением, не считаться с ним или рискнуть управлять, ломая через колено даже во имя благих целей? Риторический вопрос. Это уже поняли многие на Западе. Чего еще не уяснили некоторые аналитики и политики, так это того, что Россия изначально была готова к восприятию западного порядка, понятного ей и спроецированного на нее с учетом исторических корней. Восприимчивая к преобразованиям, она рефлексивно воспринимала и саму атмосферу, их сопровождавшую. Широкая бесшабашность приглушала чувство опасности и казалось, что общество не противится механизмам, вносившим эти обновления в Рос-

сию. Кровавые новации Ивана Грозного, Петра I и Иосифа Сталина, разведенные эпохами и различными историческими реалиями страны, они нанесли столько вреда, что польза была часто похоронена под горами искалеченных тел и судеб, ибо никто из них не умел сочетать природу естественного государственного управленческого насилия, несущего порядок и законность в организации общественной, а значит, и частной жизни, с правом на свободу личности. Существование государств с их законами — уже насилие, но разумное, противодействующее правовому нигилизму и попранию общественных интересов. Такое насилие должно служить, как это ни парадоксально, защите прав гражданина. А вот этого как раз и не было.

Опять «секреты и загадки русских»? Во многом да, но надо помнить: заблуждения, рефлексивность, бесшабашный порыв, — все это затрагивает только верхние слои общественного сознания. Глубинная суть оставалась естественным, исторически предопределенным «национальным продуктом». Ураган, срывающий верхние ветви деревьев в лесной чаще, бессилён вырвать их корни и уничтожить массивы. Ураган проходит, и здоровое тело дерева репродуцирует свои кроны.

Россию всегда привлекала демократия. И как рок преследовал ее генетически заложенный испуг перед государственным насилием, хотя жесткое узурпаторство русского абсолютизма, а потом деспотизма часто по привычке воспринималось как данность, знакомая и понятная. Но это всего лишь мимикрия сознания — не более того. Поэтому разумное, но малознакомое государственное начало пугало свободный дух национальной вольницы, противоречиво и причудливо заложенной в ядро национального характера. И при этом — противоречие русской натуры — народ чтит сильное начало власти.

Какого же насилия боится Россия, кто и что сформировали в ее народе исторический страх этого насилия? Обратимся к «чисто российской» философии «непротивления злу насилием», которая отразилась в учении Льва Толстого. Его и Федора Достоевского сегодня воспринимают на Западе не только как писателей-классиков мирового значения. Толстой признается мыслителем, выразившим, по мнению многих, суть русского характера и философию предопределенного уклада жизни человечества вне национальных и географических рамок. Герои его литературных произведений стали символами действительно русского характера, но его философия «непротивления злу насилием» принимала уродливые антигосударственные формы. «Право и государство он считает организованным насилием, имеющим целью защитить своекорыстие, мстительные, порочные стремления. Патриотизм, любовь к Родине, по его учению, есть нечто «отвратительное и жалкое». В случае нападения на Родину, нужно отдать врагу все, что он отнимает. Пожалеть его (врага — *Б.Б.*) за то, что ему не хватает своего, и он вынужден отбирать это у других» [1]. Философы Владимир Соловьев, Иван Ильин, Николай Лосский, труды которых популярны сегодня на Западе, видят в этих суждениях

противоречия Толстого-писателя Толстому-философу, воспевшему в своем великом романе гордость русского народа, разгромившего Наполеона, добывшего победу, возможную благодаря героическому сопротивлению иноземцам не только армии, но и каждого россиянина.

Трагедия Толстого в расслоении его рефлексии: реалист в искусстве и заблуждающийся мыслитель в жизни. Утверждая необходимость отдать все врагу в теоретических размышлениях, он создает гениальный апофеоз мужественному и яростному сопротивлению народа пришедшим завоевателям.

Это уже потом придумывались теории, по которым нашествия Наполеона и других иностранных армий, стремление многих государств подмять под себя Россию на всем её историческом пути развития трактовались как упущенные шансы русских. По логике этих теорий, Франция, завоей она Россию, принесла бы ей дух западной свободы и путь его развития. Более чем заблуждение! Дух свободы Франции после разгрома наполеоновского нашествия поднял декабристов, а русская ментальность осталась там, где она и должна была быть — в России.

Если вернуться к философии непротивления, то можно обнаружить: утверждая право врага на овладение территорией соседа, Толстой проявляет исконную духовную двойственность русской интеллигенции, которая выражается в суждениях и других величайших классиков. Здесь и начинается драма русского духа, который не всегда полно осмысливается носителем его рефлексивности.

В трудах философа Ильина мировоззрение Толстого умышленно переводится, для наглядности ошибок в суждениях писателя, в плоскость практического действия: «Когда злодей обижает незлодея и развращает душу ребенка, то это означает, что так угодно Богу; но когда незлодей захочет помешать в этом злодею, то это Богу не угодно. Но прав тот, кто оттолкнет от пропасти зазевавшегося путника, кто вырвет пузырек с ядом у ожесточившегося, кто вовремя ударит по руке прицелившегося (на убийство — *Б.Б.*)... кто собьет с ног поджигателя, ... кто бросится с оружием на толпу, насилующую девочку... Сопротивление злу силою и мечом допустимо не тогда, когда оно возможно, а когда оно необходимо». «Путь силы и меча, — говорит Ильин, — есть в этих случаях путь обязательный и в то же время несправедливый... Только лучшие люди способны вынести эту несправедливость, не заражаясь ею, найти и соблюсти в ней Должную Меру, помнить о ее направленности и о ее духовной опасности и найти для нее личные и общественные противоядия» [4].

Вряд ли эти философские мысли именно такой фигурой речи формулируются в сознании граждан России. Это удел интеллигенции — сфокусировать идеи в национальную доктрину и в готовом виде отдать ее народу, генетический код которого подготовит их к восприятию. Но тут-то и «собака зарыта», как подмечено в русской поговорке. Идея демократии как системы со своей логикой цивилизованного насилия (иначе не будет государства,

общечеловеческого порядка и развития) пока еще чужда российским демократам. Классический пример: «если ты свободен убить меня, то я свободен защищаться; если ты идешь против всех, все тоже имеют право избавить себя от тебя», т.е. право личности, соотносимое с правом общества — никак не укладывается в идею «свободы по-русски» последних десятилетий. Вечное соотношение прав государства и свободы личности в России существует как риторический вопрос, на который Запад давно уже нашел ответ. Насилие демократии над злом еще не воспринято в российском обществе как должное и даже возможное. Отсюда дикий капитализм и вечное противостояние государственному порядку.

Многие «младодемократы» сделали из природной противоречивости русского характера жупел, помогающий им в достижении своих амбициозных и политических устремлений. Идеологические лозунги таких общественных деятелей и стряпаются на основе знаний этих особенностей русского сознания, часто замешанного на непрочной рефлексивной основе и, естественно, подверженного рефлексивному управлению. Тут-то и ловится на их классический крючок весь электорат, как уже в наши дни называется народ, призываемый избрать себе политического предводителя.

Уинстон Черчилль как-то сказал: нет ничего более отвратительного, чем демократия, но ничего лучшего человечество не придумало. Однако вот это лучшее и не прививается пока в противоречивом российском общественном сознании. Именно в данной плоскости лежит сегодняшняя «тайна» России: извечная мечта народа о крепкой власти, соизмеряемой со справедливостью — но... и с вековым страхом насилия. И соотношение пропорций насилия и добра — как народная мечта, приходят в противоречие с интеллигентским её пониманием и амбициозными притязаниями многих власть предержащих. Демократия и государственность еще не сосуществуют в России в их цивилизованных формах, а на Западе не верят, что в России это смогут совместить, подключив к этому все законы рефлексивности.

Грех сбрасывать со счетов многие естественные различия интересов Востока и Запада, которые традиционно тянутся и в третье тысячелетие. Но эти различия не должны искажать представления о том, что расшатывание российской государственности — трагично не только для России, что ее стремление к целостности в полной мере соответствует интересам Запада. Пришло то время, когда экономические, экологические, геополитические, религиозные интересы мира так тесно связаны, что выпади такое крупное звено, как Россия — вся система обрушится в пропасть.

Особенно это актуально сегодня, когда терроризм стал глобальной угрозой западному миру, к которому во всем объеме своих интересов и традиций относится и Россия. Цивилизации брошен вызов уничтожения, и она, отринув заблуждения философов о непротивлении злу насилием, должна не только дать отпор, но и уничтожить корни и возможности терроризма как глобального земного катаклизма.

Везувий разрушил только Помпею. Но человечество это помнит века. Терроризм стремится разрушить земную цивилизацию. И о ней некому будет вспоминать. Здесь уже не до философских обоснований, теоретических выкладок, политических фарсов и межгосударственных интриг. Или человечество объединяется против общего врага — или гибнет. И Россия в этой альтернативе — одно из важнейших звеньев. Ее история, ментальность, национальный характер, тяготение к демократии, ее внутренняя мощь вопреки внешней слабости — все это тоже шанс для Запада.

Государство — это не только народ, но и власть, им управляющая. Вне теории она имеет конкретное лицо. Личность, стоящая во главе России, — всегда субъект межгосударственной значимости. Сегодня это — Владимир Путин. Значит, его фигура — объект интереса со стороны мирового сообщества.

Президента великой страны можно оценивать только с точки зрения политического разума и адекватности его деятельности интересам этого сообщества. В этом плане Владимир Путин — удачная фигура власти не только для России, но и для Запада. Его позиция в антитеррористических намерениях цивилизованного мира — политически корректна, но и целостна с интересами Запада.

Намерения Путина, не желающего повторять чужие ошибки, готового в силу своего мировоззрения, сложившегося и в России, и на Западе, соединить воедино понятия «насилие» демократии и свобода личности, вызывает неоднозначную реакцию и в стране, и за рубежом. Некоторые россияне настороженно воспринимают этого нового, не похожего на других Президента; другие просто не верят, что в России он возможен.

«Тайна Путина», может, и заключается в том, что он нащупывает в своей стране это чувство соизмеримости между «злом» насилия демократии и добром свободы личности во имя цивилизованной России и ее прочного места в западном мире. Его внутренняя и внешняя политика может стать единой концепцией, подчиненной торжеству демократии и совместной победе цивилизованного человечества над силами, покусившимися на существование мирового сообщества. Выполни Президент России свое предназначение — и образ власти станет олицетворением национального русского характера: противоречивого, но мощного и созидательного.

Познавая сильные и слабые стороны национального русского характера (а любой национальный характер по сути своей всегда несет в себе величие духа и исторические ошибки прошлого, взлеты судьбы народа и горечь поражений), можно прийти к убеждению, что Россия должна идти рука об руку с Западом, но что этой страной нельзя управлять по заимствованным моделям — тогда ее движение к желанным западным ценностям будет менее болезненным. Россия должна стать партнером США и других государств не только в борьбе с терроризмом, но и в стремлении усилить поступательную энергию, работающую на развитие мировой экономики во благо всему человечеству.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М. 1990.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М. 1994.
3. Бирштейн Борис. Партнерство ради жизни. – Ch.: Universul, 2002. 127 с.
4. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / Путь к очевидности. – М., 1993.
5. Лепский В.Е. Информационно-психологическая безопасность субъекта в изменяющемся обществе / Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе (к 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна). – М.: Институт психологии РАН. С. 98-99.
6. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976. С. 253-381.